

Проект «Вызовы переходного периода в Сирии»

Документ, представленный на обсуждение (30)

Продолжение конфликта или формальное соглашение: какой сирийский сценарий предпочтительнее для Ирана?

Хассан Ахмадиан, Тегеранский университет

Женевский центр политики безопасности (GCSP)

Женевский центр политики безопасности (GCSP) – международный фонд, основанный в 1995 году и включающий 53 страны-участницы. Основной целью фонда является поддержание мира, безопасности и международного сотрудничества путем подготовки руководящих кадров, проведения прикладных политических исследований и диалога. Женевский центр политики безопасности обучает государственных должностных лиц, дипломатов, офицеров вооруженных сил, сотрудников международных организаций и НПО, а также представителей частного сектора, работающих в соответствующих сферах поддержания международного мира и безопасности.

Проект «Вызовы переходного периода в Сирии»

Данный проект предполагает многосторонний диалог и научные исследования, направленные на создание точек соприкосновения между ЕС, Россией, Турцией и США по трем вопросам: реформы, возвращение беженцев и восстановление. Проект реализуется Женевским центром политики безопасности совместно с Европейским университетским институтом (EUI), Сирийским центром политических исследований (SCPR) и Швейцарским фондом мира (Swisspeace).

Редакторы:

Абдулла Ибрагим, ведущий исследователь проекта

Тамер Бадави, научный ассистент

Автор

Хассан Ахмадиан

Доктор Хассан Ахмадиан является доцентом кафедры исследований ближневосточных и североафриканских стран Тегеранского университета, а также участником проекта «Шиизм и международные отношения» в Везерхедском центре по международным отношениям Гарвардского университета. Занимается вопросами безопасности и политики на Ближнем Востоке, будучи сотрудником тегеранского Центра стратегических исследований. Получил докторскую степень (PhD) в области регионоведения в Тегеранском университете, а также проводил исследования в рамках программы постдокторантуры «Иранского проекта» при Центре науки и международных отношений им. Роберта и Рене Белферов Школы управления им. Джона Ф. Кеннеди Гарвардского университета. Свободно владеет арабским, персидским и английским языками; исследования и преподавательская деятельность автора преимущественно связаны с иранской внешней политикой и международными отношениями, политическими преобразованиями, военно-гражданскими отношениями и исламистскими движениями на Ближнем Востоке. Результаты проведенных автором научных и аналитических исследований были опубликованы в рецензируемых научных журналах, а также в престижных изданиях на персидском, английском и арабском языках.

Все содержащиеся в настоящем документе идеи являются исключительно соображениями автора и ни в коей мере не являются мнением издателя или организации автора.

Опубликовано в декабре 2020 г.

Все права принадлежат Женевскому центру политики безопасности

Введение

Вопросы безопасности еще в 2011 году подтолкнули Иран к участию в сирийском кризисе. За последние девять лет Тегеран трансформировал политику и стратегию по Сирии исходя из текущего положения дел. Начав с военной подготовки по модели иранского ополчения «Басидж», Иран масштабировал данную модель до уровня других регионов (как было в случае с Силами народной мобилизации в Ираке) и выступил за усиление военного вмешательства со стороны России. Кроме того, Иран поддерживает своего сирийского союзника, а также союзные силы ополчения с целью противодействия остальным ключевым участникам конфликта. Иран стремится закрепить свои военные достижения путем поддержки такого политического процесса, в котором должным образом были бы представлены воюющие стороны, который бы обеспечивал постепенную передачу власти и результаты которого не подрывали бы иранские геополитические интересы в Сирии.

Участие Ирана в политических процессах

Еще в 2011 г. Иран стремился вывести сирийское правительство и оппозицию на путь политического урегулирования и даже составил проект пакета первичных реформ, однако активно набирающий обороты кризис 2011 года сорвал данные планы. По мере нарастания конфликта Иран стал предлагать состоящий из четырех пунктов план урегулирования, который в 2014 году был представлен Специальному посланнику ООН в Сирии Лахдару Брахими. Данный пакет мер соответствовал Женевскому коммюнике от 2012 года и предусматривал немедленное прекращение огня, формирование правительства национального единства, конституционную защиту меньшинств, а также проведение выборов с участием наблюдателей. Данные пункты вошли в резолюцию 2254 Совета Безопасности ООН, которая закрепила Женевское коммюнике.

Кроме того, непосредственно после подписания в 2015 году соглашения по ядерной программе (известного также как Совместный всеобъемлющий план действий, или СВПД) с пятью постоянными членами СБ ООН, а также Германией Министр иностранных дел Ирана Мохаммад Джавад Зариф принял участие в Венских мирных переговорах по Сирии. Год спустя, 23–24 января 2017 г., совместно с Россией и Турцией Иран основал астанинский процесс, который, в отличие от женевского, оказался более эффективным инструментом как в политическом плане – были проведены многочисленные переговоры между воюющими сторонами и достигнуты соглашения о прекращении огня, – так и в отношении формирования вектора развития событий в Сирии. Помимо плана урегулирования из

четырёх пунктов, в течение последних четырёх лет астанинский процесс оставался для Тегерана основным инструментом поиска политических решений.

Объединение женевского и астанинского форматов

Запуск женевского процесса вселил в участников определенные надежды, поскольку позволил отойти от непрекращающегося вооруженного конфликта и сесть за стол переговоров. Его поддерживало международное сообщество, многие мировые державы и ООН. Однако Иран рассматривает женевский формат через призму астанинского, то есть скорее, как дополнение к нему. В Тегеране существует мнение, что женевский процесс слишком широк и туманен, неспособен выработать эффективные механизмы решения сирийского конфликта и ограничивается общими формулировками. Основные вопросы, обсуждавшиеся в рамках первичных раундов переговоров в женевском формате, включали принципы переходного периода и вопросы терроризма, однако сама повестка оставалась размытой и спорной. Кроме того, до запуска астанинского процесса в разгар сирийского конфликта на организацию каждого раунда переговоров в женевском формате уходило примерно два года. Тем не менее после принятия резолюции 2254 СБ ООН и в особенности после запуска астанинского формата течение конфликта претерпело значительные изменения, и женевский процесс также сдвинулся с мертвой точки, обеспечив проведение множества раундов переговоров. Иранские делегаты также предполагают, что приезжавшие в Женеву делегаты от оппозиции в полной мере не представляли сирийскую оппозицию, представители которой впоследствии вошли в астанинский формат.

Иранцы категорически отрицают успешность женевского процесса. Признавая недостатки данного формата, Тегеран предлагает совместить его с астанинским. Иными словами, основные региональные и международные игроки, поддерживающие сирийских участников конфликта, должны действовать более решительно исходя из принципов, согласованных в резолюции 2254, а также в рамках астанинского формата. При этом действовать они должны сообразно четырем «корзинам», утвержденным в рамках «Женевы-4» (2017 г.). Кроме того, нет необходимости в разделении женевского и астанинского форматов. С точки зрения сдерживания конфликта и поощрения политического процесса приветствуются любые шаги в соответствии с резолюцией 2254, и не важно, в рамках какого формата – женевского, астанинского или ни одного из них – они были предприняты. Таким образом, Тегеран, в целом, не замыкается на женевском процессе как таковом, поскольку поиск политического решения может выходить за рамки данного формата, хоть и не должен противоречить ему.

Астанинский же формат, с точки зрения Тегерана, оказался гораздо успешнее, поскольку стал основным инструментом примирения / политического урегулирования в Сирии, косвенно предопределив ход и повестку параллельных переговоров, в том числе женеvских. Тегеран направил максимальные политические усилия на политическое урегулирование в рамках астанинского формата по 4-м основным причинам:

- Во-первых, формат основали непосредственно задействованные в конфликте иностранные участники, у которых многое поставлено на карту. Несмотря на расхождения в приоритетах и различный уровень заинтересованности, они лучше понимают ситуацию и более заинтересованы в политическом урегулировании, чем стороны, поддерживающие женеvский формат.
- Во-вторых, поскольку в данном формате участвуют наиболее весомые внешние игроки, они могут оказать давление на внутренних участников конфликта, заставив их отказаться от перетягивания каната и пойти на необходимые уступки, чтобы переговоры не обернулись провалом.
- В-третьих, в основе астанинского формата лежат ключевые международные принципы, обозначенные в резолюции 2254, которые также отражены в иранском плане из четырех пунктов.
- В-четвертых, в астанинский формат входят основные представители оппозиции, за исключением наиболее значимых курдских сил.

Помимо обозначенных плюсов, существуют и минусы. Нарастающие расхождения в подходах России и Турции по другим регионам, включая ливийский вопрос, армяно-азербайджанский конфликт, а также ситуацию в Идлибе на северо-западе Сирии, могут затормозить астанинский процесс. Обе стороны продемонстрировали прагматичное отношение к решению возникающих разногласий, однако по мере их усугубления вероятность конфронтации возрастает. Ситуация в Идлибе отражает противостояние между Россией, Ираном и Сирией с одной стороны, и Турцией с другой, и любая из сторон может превратить регион в своеобразный испытательный полигон, и в конечном счете чаша терпения может переполниться. Переговоры, нацеленные на предотвращение такого сценария, велись непрерывно, однако подобная угроза по-прежнему велика. Еще один вызов – отсутствие полноценного представительства курдов в рамках данного формата. Комплексное решение конфликта невозможно без привлечения одного из основных участников, пользующегося международной поддержкой. С помощью женеvского процесса можно расширить участие сирийских представителей в астанинском формате, при этом закрепив за ООН роль контролирующего органа / посредника.

Наконец, Тегеран полагает, что реализация сценария без подписания какого-либо соглашения проблематична, поскольку в таком случае в истерзанной войной стране будет царить хаос и нестабильность, что станет препоной для восстановления Сирии. Кроме того, отсутствие договоренностей принесет лишь затраты и не создаст при этом перспектив решения конфликта. В таком случае сирийский вопрос может непредсказуемым образом повлиять на ирано-американский конфликт и/или на холодные ирано-израильские отношения, а подобные сюрпризы могут привести к полномасштабному конфликту. Несмотря на то, что в течение последнего десятилетия этого сценария удавалось избежать, нет гарантий, что так будет продолжаться и дальше. Также немаловажно, что при отсутствии соглашения Сирии будет трудно установить нормальные связи с международным сообществом, которые ей необходимы для восстановления международного статуса и экономики.

Выводы

Предпочтительным для Тегерана является сценарий, в основе которого лежит соглашение. Тем не менее Иран полагает, что после неудачной попытки свергнуть сирийское правительство западные участники конфликта и региональные сторонники оппозиции постараются добиться этого политическим путем. Именно поэтому Иран неоднократно выражал свое отрицательное отношение к подобным попыткам, утверждая, что будущее Сирии должно определяться исключительно сирийскими участниками конфликта и народом страны. Именно поэтому представительство курдов также важно – оно позволит им дистанцироваться от иностранных держав (США), присоединиться к политическому процессу и пожать плоды астанинского формата, а также впоследствии приведет к реинтеграции сирийской территории. Иран будет и дальше поддерживать политическое урегулирование, если только оно не станет очередным средством достижения целей последних девяти лет: низвержения союзника Тегерана и его замены на податливый антииранский режим.